

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ПРАВЪ

П. Г. РѢДКИНА

ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ФИЛОСОФИИ ВООБЩЕ.

«Все минется, одна правда остается».

Русская народная пословица.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 линія, 28.

1890.

1714

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Части первой отдыла четвертаго продолжение.	1—515
III. Изложение содержания нѣкоторыхъ Платоновыхъ разговоровъ,	
ВТОРАЯ ГРУППА	1—94
1. Меноњъ	1
2. Апологія Сократа	19
3 Критонъ	38
4. Горгій	54
Изъ ТРЕТЬЕЙ ГРУППЫ:	
1. Политикъ	94—119
Изъ ЧЕТВЕРТОЙ ГРУППЫ:	
1. Государство	119—515

ЧАСТИ ПЕРВОЙ

ОТДѢЛА ЧЕТВЕРТАГО

Продолжение.

III. Изложение содержанія нѣкоторыхъ Платоновыхъ разговоровъ.

ГРУППА ВТОРАЯ.

1. Менонъ.

Въ этомъ разговорѣ собственно три дѣйствующихъ лица—Менонъ, Анти и Сократъ. Изъ нихъ Анти уже знакомъ намъ, какъ одинъ изъ обвинителей Сократа на судѣ. Онъ выведенъ здѣсь Платономъ незадолго до этого обвиненія, какъ представитель низшаго сорта людей, занимавшихся тогда въ Аѳинахъ государственными дѣлами, политиковъ-практиковъ, какихъ тогда было много. Менонъ, по имени котораго названъ весь этотъ разговоръ, молодой богатый єессаліецъ, знатнаго рода, пріѣхавшій въ Аѳины и остановившійся у своего пріятеля Анита; онъ былъ ученикомъ софиста Горгія. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изъ рабовъ Менона, не принимающемъ однако участія въ томъ, о чёмъ собственно бесѣдуютъ три названныхъ лица; онъ выведенъ Платономъ только для того, чтобы наглядно представить практическое доказательство одного изъ главныхъ положеній, защищаемыхъ здѣсь Сократомъ, а именно, что способность къ знанію, какъ и къ добродѣтели, прирождена человѣку, но что она требуетъ своего развитія.

Мѣсто дѣйствія—такъ-называемое λέσχη—собственно зна-

чить: болтовня; отсюда и самое мѣсто для болтовни, т.-е. публичная площадка въ городѣ, усыпанная пескомъ и обставлена скамейками, куда праздные аѳиняне собирались посидѣть и поболтать, а бѣдняки проводили здѣсь даже и ночи, засыпая на скамейкахъ.

Разговоръ „Менонъ“ состоить изъ пяти дѣйствій, но они такъ коротки, что ихъ приличнѣе назвать сценами, явленіями.

Первое явленіе. Оно начинается прямо съ вопроса, въ которомъ выражается весь главный предметъ этого разговора, а именно, Менонъ спрашиваетъ Сократа: „Можешь ли ты сказать мнѣ, любезный Сократъ, изучима ли добродѣтель; или же она пріобрѣтается упражненіемъ; или же ее нельзя пріобрѣсть ни упражненіемъ, ни познаніемъ, а она прирождена людямъ; или же (наконецъ) люди бывають причастны ей какимъ-либо другимъ образомъ?“.

На такой вопросъ Сократъ иронически отвѣтаетъ, что, конечно, на родинѣ Менона, въ Фессалии, гдѣ долго жилъ Горгій, немедленно дававшій отвѣты на всевозможные вопросы, могутъ отвѣтить тотчасъ же, не запинаясь, и на такой вопросъ; но здѣсь, въ Аѳинахъ, люди не обладаютъ такою мудростью; по крайней мѣрѣ онъ, Сократъ, можетъ сказать о себѣ, что не въ состояніи отвѣтить прямо на такой вопросъ, потому что онъ не знаетъ даже и того, что такое добродѣтель, а не зная сущности добродѣтели, онъ не можетъ сказать и какова она, каковы ея качества.

Менонъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ ты не знаешь, что такое добродѣтель? Позволишь ли ты разсказать это о тебѣ на моей родинѣ?

Сократъ. Разскажи, да прибавь еще, что я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, который зналъ бы, что такое добродѣтель.

Менонъ. Развѣ ты не встрѣчался съ Горгіемъ, когда онъ былъ здѣсь (въ Аѳинахъ)?

Сократъ. Какъ же, встрѣчался.

Менонъ. И тебѣ кажется, что и Горгій не зналъ, что такое добродѣтель?

Сократъ. Память мнѣ измѣнила (Сократъ выведенъ здѣсь уже старикомъ); не припомню, какъ мнѣ казалось тогда,—

зналь или не зналъ Горгій, чтò такое добродѣтель. Ты помнишь, конечно, какъ выражался объ этомъ Горгій, поэтому напомни мнѣ его слова, или, если хочешь, скажи самъ, потому что, конечно, ты соглашаешься съ Горгіемъ.

Менонъ. Да, соглашаюсь.

Сократъ. Такъ мы оставимъ Горгія въ сторонѣ, потому что его здѣсь нѣтъ. Скажи мнѣ, что ты самъ считаешь добродѣтелью, чтобы я, къ моему счастью, увидѣть свою ошибку, когда окажется, что ты и Горгій знаете, что такое добродѣтель, между тѣмъ какъ я, напротивъ, утверждалъ, что не встрѣчался еще ни съ кѣмъ, кто зналъ бы это.

Менонъ. Сказать, что такое добродѣтель, нетрудно, потому что если ты спрашиваешь о добродѣтели мужчины, то отвѣтъ на это легко: добродѣтель мужчины состоять въ томъ, чтобы быть въ состояніи заниматься государственными дѣлами и, занимаясь ими, дѣлать добро своимъ друзьямъ и зло своимъ врагамъ, и самому остерегаться, чтобы другие не причинили зла себѣ и имъ. Легко также опредѣлить и добродѣтель женщины, если ты хочешь знать объ этомъ: она должна быть хорошою хозяйкою въ домѣ, сохраняя тѣ, что въ немъ есть, и подчиняясь мужу.

— Отъ этихъ добродѣтелей отличны добродѣтели дитяти, дѣвочки, мальчика, старика, а также различные добродѣтели свободного человѣка и раба. Есть еще много и другихъ добродѣтелей, такъ что относительно добродѣтели не затруднительно сказать, что она такое, потому что для каждого поступка, для каждого возраста, для каждого предпріятія, каждому изъ нась прилична известная добродѣтель. То же самое слѣдуетъ сказать и о порокѣ.

Сократъ. Мнѣ, кажется, очень посчастливилось: я искалъ одну добродѣтель, а нашель цѣлый рой добродѣтелей. Но, оставаясь при этомъ сравненіи множества различныхъ добродѣтелей съ роемъ, еслибы ты спросилъ меня о сущности пчелы (что такое пчела по своей сущности), а я отвѣчалъ бы тебѣ: пчель много, и онѣ различны—то не сказалъ ли бы ты мнѣ: я спрашиваю не о томъ, въ чёмъ отличны пчелы одна отъ другой, а о томъ, въ чёмъ онѣ сходны между собою (что такое всякая пчела безъ различія). Точно также хотя добродѣте-

лей и много, и онъ различны, но есть нѣчто одно имъ общее (понятіе), въ силу чего онъ суть добродѣтели. Поэтому, кого спрашиваютъ о добродѣти, тотъ долженъ отвѣтить о ней *вообще*, что она такое, или что нужно для того, чтобы добродѣтель была вообще добродѣтелью, все равно, есть ли это добродѣтель мужчины или женщины, мальчика или старика.

Менонъ. Нѣть, мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи для добродѣтели требуются различные качества.

Сократъ. Но вѣдь ты самъ сказалъ, что добродѣтель мужчины — умѣніе управлять государствомъ, а добродѣтель женщины — умѣніе управлять домомъ. Нельзя хорошо управлять ими, не управляя ими праведно и благоразумно. Слѣдовательно мужчина и женщина, чтобы быть добрыми, добродѣтельными, должны имѣть одни и тѣ же качества: праведность и благоразуміе. Такъ ни мальчикамъ, ни старикамъ нельзя быть добрыми, добродѣтельными, если они неправедны и необузданы; слѣдовательно и они должны быть праведны и благоразумны, чтобы быть добрыми, добродѣтельными. Итакъ всѣ люди добры, добродѣтельны *одинаковымъ* образомъ, потому что они становятся добрыми, добродѣтельными, когда приобрѣтутъ одни и тѣ же качества. Но они не были бы одинаковымъ образомъ добры, добродѣтельны, еслибы ихъ добродѣтель не была одна и та же. Но если добродѣтель всѣхъ людей одна и та же, то скажи мнѣ, что такое эта одна и та же добродѣтель (добродѣтель вообще), по мнѣнію Горгія, съ которыми согласенъ и ты?

Менонъ. Если ты ищешь одной добродѣтели для всѣхъ людей, то она состоитъ въ томъ, чтобы быть въ состояніи начальствовать (господствовать) надъ людьми.

Сократъ. Но это не можетъ быть добродѣтелью ни мальчика, ни раба. Притомъ не слѣдуетъ ли прибавить — начальствовать *праведно*?

Менонъ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, потому что праведность есть добродѣтель.

Сократъ. Праведность есть ли *всѧ* добродѣтель, или одна изъ добродѣтелей?

Менонъ. Одна, потому что есть еще и другія добродѣтели.

Сократъ. Назови мнѣ ихъ.

Менонъ. Мужество, благоразуміе, мудрость и великодушная щедрость.

Сократъ. Опять, хотя и другимъ путемъ, мы нашли *многія* добродѣтели, а одной добродѣтели, общей всѣмъ, вслѣдствіе чего всѣ онѣ называются однимъ именемъ, мы все еще не можемъ найти. Скажи мнѣ, что такое добродѣтель *вообще*.

Менонъ. Добродѣтель состоять въ томъ, чтобы хотѣть, желать прекраснаго и быть въ состояніи достать, пріобрѣсть его себѣ.

Сократъ. Хотѣть, желать прекраснаго—значить вѣдь желать себѣ добра, добра. Но нѣть человека, который не желалъ бы себѣ добра, а желалъ бы себѣ зла или вреда; разъ только онъ можетъ ошибаться, считая злое, вредное для себя за доброе. Слѣдовательно добродѣтель нельзя опредѣлять какъ желаніе, хотѣніе прекраснаго, т.-е. добра, потому что всѣ люди, и добродѣтельные, и порочные, желаютъ прекраснаго, добро, добра (съ тѣмъ различіемъ, что добродѣтельные знаютъ, что такое добро, а порочные не знаютъ этого). Итакъ изъ твоего опредѣленія добродѣтели вообще надобно исключить желаніе прекраснаго, т.-е. добра. Остается еще возможность доставлять себѣ, пріобрѣтать прекрасное, т.-е. доброе, добро. Разберемъ и этотъ признакъ. Ты, знаю я, считаешь добрымъ богатство, стяжаніе золота и серебра, почестей и правительственныхъ должностей въ государствѣ. Не прибавиши ли ты къ тому, что тобою сказано—доставлять себѣ, пріобрѣтать прекрасное, доброе—праведнымъ и благочестивымъ образомъ, потому что неправедное пріобрѣтеніе не есть добродѣтель?

Менонъ. Конечно, это не добродѣтель, а порокъ.

Сократъ. Итакъ къ сказанному пріобрѣтенію прекраснаго, добро должны присоединиться или праведность, или благочестіе, или благоразуміе и проч., иначе оно (пріобрѣтеніе) не будетъ добродѣтелью. Но мы только-что согласились, что праведность, благоразуміе и проч. суть добродѣтели, т.-е. части одной добродѣтели, добродѣтели вообще. Слѣдовательно мы опять пришли къ прежнему, а именно,—на мою просьбу определить, что такое добродѣтель *вообще*, ты отвѣчашь теперь: добродѣтель есть пріобрѣтеніе добра, соединенное съ такою-то добродѣтелью: съ праведностью, благочестіемъ, благоразуміемъ

и проч. Но нельзя знать части, не зная цѣлого, поэтому я снова спрашиваю тебя: что такое добродѣтель по твоему мнѣнію и по мнѣнію твоего друга Горгія?

Менонъ. Прежде, чѣмъ я познакомился съ тобой, я зналъ уже, что ты сомнѣваешься во всемъ и возбуждаешь сомнѣнія въ другихъ. Такъ и теперь: я замѣчаю, что я весь преисполненъ сомнѣній. Если ты позволишь мнѣ плутку, то я скажу тебѣ, что ты похожъ на известную морскую рыбу, на широкій скатъ (теперь называемый въ зоологии электрическимъ скатомъ, *Raja torpedo*): лишь только прикоснется къ нему маленькая рыбка, онъ приводить ее въ состояніе оцѣпенѣнія, нанося ей электрическій ударъ; такъ и теперь ты возбудилъ во мнѣ подобное же чувство оцѣпенѣнія; въ самомъ дѣлѣ у меня оцѣпенѣли умъ и языкъ, такъ что я не знаю, что и отвѣтить тебѣ. А вѣдь я тысячу разъ произносилъ цѣлыхъ рѣчи о добродѣтели и очень недурно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось. Теперь же я не могу даже сказать что такое добродѣтель вообще.

Сократъ. Если я похожъ на ската, то на такого, который и самъ оцѣпенѣваетъ, а не только заставляетъ цѣпенѣть другихъ; я не возбуждаю сомнѣній въ другихъ, будучи самъ совершенно убѣжденъ въ чемъ-либо; напротивъ, такъ какъ я болѣе всѣхъ сомнѣваюсь, то поэтому именно и возбуждаю сомнѣнія въ другихъ. Вотъ и теперь: я не знаю, что такое добродѣтель; ты же, можетъ быть, зналъ это прежде, чѣмъ пришелъ въ соприкосновеніе со мною, а теперь похоже на то, что и ты этого не знаешь. Тѣмъ не менѣе я готовъ вмѣстѣ съ тобой изслѣдовать, что же такое добродѣтель.

Менонъ. Какъ же ты хочешь изслѣдовать то, качествомъ чего тебѣ вовсе неизвѣстно?

Положимъ, что случайно ты и нападешь на истину, но какъ же ты узнаешь, что таково въ самомъ дѣлѣ то, чего ты не знаешь?

Сократъ. Понимаю, куда ты мѣтишь. Ты хочешь сказать, что человѣкъ не можетъ изслѣдовать ни того, что онъ знаетъ, ни того, чего онъ не знаетъ: тѣ, что онъ знаетъ, онъ не можетъ изслѣдовать, такъ какъ онъ уже знаетъ это; тѣ, чего онъ не знаетъ, онъ не можетъ изслѣдовать, такъ какъ онъ

даже не знаетъ того, что хотеть онъ изслѣдовать (Сократъ намекаетъ здѣсь на то, что Менонъ повторяетъ скептическое ученіе своего учителя Горгія).

Менонъ. Такое положеніе кажется тебѣ певѣрнымъ?

Сократъ. Да, мнѣ такъ кажется.

Менонъ. Можешь ли ты сказать мнѣ — почему?

Сократъ. Могу. Я слышалъ, что говорили мудрые люди, мужчины и женщины, о божественныхъ предметахъ; а что они говорили, то, мнѣ кажется, вѣрно. Говорившіе принадлежать къ числу жрецовъ и жрицъ, старающихся отдавать себѣ отчетъ во всемъ, чѣмъ они занимаются. То же самое говорилъ Пиндаръ и многие другіе поэты. А именно они говорили, что душа человѣка бессмертна, и что она то кончается — что называется смертью, — то опять возрождается, но никогда не уничтожается. Такъ какъ душа бессмертна и часто возрождается, и такъ какъ она видѣла все, что есть здѣсь, на землѣ, и что есть въ Гадесѣ (въ преисподнѣ), словомъ, — видѣла все вообще, то нѣтъ ничего такого, чего она не изучила бы, не знала бы. Поэтому неудивительно, что о добродѣтели и о другихъ предметахъ она можетъ припомнить себѣ то, что знала уже и прежде. Но такъ какъ въ природѣ все сродно между собой и такъ какъ душа все изучила, все узнала, то ничего не мѣшаетъ тому, что если мы вспомнимъ что-нибудь одно (это воспоминаніе люди называютъ ученіемъ), то все прочее найдется само собою (по сродству съ этимъ однимъ), лишь бы только мы были неутомимы въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Слѣдовательно всякое изслѣдованіе и ученіе есть не что иное, какъ воспоминаніе. Въ увѣренности, что это такъ, мы станемъ теперь изслѣдовать, что такое добродѣтель.

Менонъ. Если ты можешь какимъ-нибудь образомъ показать мнѣ, что это такъ, то покажи.

Сократъ. Это, конечно, не легко; но въ угоду тебѣ я постараюсь. Позови кого хочешь вотъ изъ этой толпы сопровождающихъ тебя рабовъ, чтобы я могъ показать на немъ.

Менонъ. Весьма охотно. Эй! (зоветъ одного изъ своихъ рабовъ) Подойди-ка къ намъ!

Рабъ подходитъ и тѣмъ оканчивается первое явленіе.

Въ этомъ явленіи Сократъ началъ съ того, что возбудилъ

въ Менонѣ самосознаніе въ незнаніи того, что онъ думалъ знать, т.-е. сущности понятія добродѣтели вообще; это отрицательный результатъ. Затѣмъ посредствомъ этого самопознанія онъ возбудилъ въ немъ желаніе изслѣдоватъ этотъ вопросъ, опровергнувъ скептицизмъ Менона, какъ ученика Горгія, который утверждалъ, что человѣкъ не можетъ знать ничего истиннаго. Устами Сократа Платонъ опровергаетъ это тѣмъ положениемъ, что бессмертной человѣческой душѣ присущі, прирождены вѣрныя представленія, которые могутъ быть развиты въ истинное, рациональное знаніе, слѣдовательно человѣческой душѣ прирождена возможность, способность знанія; это развитіе присущихъ душѣ представлений въ истинное рациональное знаніе, или — что все равно — это познаніе Платонъ устами Сократа называетъ воспоминаніемъ, приводя его въ связь съ вѣрою въ бессмертіе души человѣческой; это развитіе и есть то, что люди называютъ ученіемъ. Слѣдовательно въ этомъ смыслѣ и добродѣтель изучима, т.-е. ей можно *учити*, развивая въ знаніе присущія о ней человѣческой душѣ представлений, и ей можно *учиться*, т.-е. человѣкъ можетъ развить въ знаніе присущія его душѣ представлений о ней.

Такой, выраженный здѣсь, взглядъ Платона на знаніе, т.-е. на познаніе, познаніе, какъ на воспоминаніе, есть уже ближайшее подготовленіе Платонова ученія объ идеяхъ, въ чёмъ и заключается особенная важность разговора „Менонъ“.

Второе явленіе. Это явленіе начинается съ того, что одинъ изъ молодыхъ рабовъ Менона подходитъ къ Менону и Сократу.

Сперва Сократъ спрашиваетъ Менона, грекъ ли этотъ рабъ, и говорить ли по-гречески; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ просить Менона замѣтать, будетъ ли этотъ рабъ только вспоминать то, что онъ уже зналъ прежде, или же Сократъ будетъ обучать его чему-то совершенно новому, чего онъ прежде вовсе не зналъ. Въ продолженіе разговора съ рабомъ Сократъ, для наглядности своихъ вопросовъ, чертить палкою на пескѣ квадратъ, проводить въ немъ диагонали, описывать вокругъ него большій квадратъ, подраздѣляетъ этотъ квадратъ на меныше квадраты, словомъ, — сопровождаетъ чертежами свою геометрическую лекцію, излагая ее въ формѣ наводящихъ и развивающихъ вопросовъ, которыми мало-по-малу

онъ приводить раба къ тому, что тотъ нагляднымъ образомъ убѣждается въ вѣрности положеній, на которыхъ основывается знаменитая Пиоагорова теорема. Минѣ иѣть нужды приводить здѣсь вопросовъ Сократа и отвѣтовъ раба; замѣчу только, что по временамъ Сократъ обращаетъ вниманіе Менона на то, что онъ не сообщаетъ этому рабу ничего новаго, а только заставляетъ его высказать его собственныя мнѣнія; что такимъ образомъ въ душѣ раба постепенно пробуждается воспоминаніе о присущихъ ей представленіяхъ. Сперва рабъ думаетъ, что онъ вовсе не знаетъ того, о чёмъ его спрашиваетъ Сократъ; но потомъ отвѣчаетъ уже съ увѣренностью, что онъ это знаетъ. Когда же Сократъ возбудилъ въ немъ сомнѣніе въ этомъ знаніи, то посредствомъ этого сомнѣнія онъ привелъ раба къ тому, что онъ хотѣлъ бы теперь изслѣдовать далѣе тѣ, что ему неизвѣстно, такъ что это сомнѣніе послужило ему на пользу въ томъ смыслѣ, что возбудило въ немъ стремленіе къ знанію, то любомудріе, въ которомъ и состоитъ истинная философія.

Наконецъ рабъ отходитъ на свое прежнее мѣсто; второе явленіе оканчивается, начинается третье явленіе, гдѣ Менона и Сократъ опять вступаютъ между собой въ разговоръ.

Содержаніе второго явленія есть наглядный образчикъ той Сократовой методы, которую самъ Сократъ сравнивалъ съ мэевтикой, т.-е. съ родовспомогательнымъ искусствомъ.

Третье явленіе. Послѣ опыта, сдѣланнаго надъ рабомъ Менона, Сократъ приводить Менона къ признанію слѣдующихъ выводовъ: рабъ выражалъ въ своихъ отвѣтахъ не чужія, а собственныя представленія, мнѣнія; хотя онъ и не сознавалъ присутствія ихъ въ себѣ, однако же они были въ немъ, и были какъ *спирнѣя* представленія, мнѣнія о томъ, о чёмъ онъ не имѣлъ еще познаній въ смыслѣ философскому. Эти представленія, мнѣнія, какъ бы дремавшія въ умѣ раба, и были возбуждены въ немъ развивающими и наводящими вопросами.

„Еслибы кто-нибудь (говорить Сократъ) продолжалъ вопрошать его о томъ, о чёмъ спрашивалъ я, то, конечно, онъ пришелъ бы къ такому же точному знанію этого предмета, къ какому можетъ прийти и всякий другой человѣкъ. Онъ пришелъ бы къ знанію и въ томъ случаѣ, еслибы никто не сообщилъ ему ничего новаго, а только выспрашивалъ бы его, по-

тому что это знаніе онъ извлекаль бы изъ самого себя. Но это и есть не что иное, какъ воспоминаніе. Знаніе, которымъ онъ владѣть теперь, онъ или когда-нибудь пріобрѣль, или всегда владѣль имъ. Если онъ всегда имъ владѣль, то онъ всегда былъ знающимъ. Если же онъ когда-либо пріобрѣль его, то онъ не могъ пріобрѣсти его въ этой жизни, потому что вѣдь никто не училъ его геометріи, а между тѣмъ онъ обладаетъ геометрическими представлениями. Если же онъ не пріобрѣль ихъ въ этой жизни, то очевидно, что онъ когда-то владѣль ими, пріобрѣль ихъ, а именно въ то время, когда онъ не былъ еще человѣкомъ. Если же онъ обладаетъ вѣрными представлениями въ то время, когда онъ сталъ уже человѣкомъ, а также если онъ обладалъ ими и въ то время, когда еще не былъ человѣкомъ, то отсюда слѣдуетъ, что душа человѣческая во всѣ времена учились, изучала, т.-е. пріобрѣтала познанія. Но если душа человѣческая *всегда* обладаетъ вѣрными представлениями о вещахъ, то значитъ, что душа бессмертна. Итакъ, ты смѣло можешь попытаться изслѣдовать то, чего ты *теперь* именно не знаешь, т.-е. о чёмъ ты пока не вспоминаешь, потому что ты можешь вспомнить это. Во всякомъ случаѣ, если мы будемъ думать, что всякий долженъ изслѣдовать то, чего онъ не знаетъ, то мы станемъ лучшими, болѣе энергичными, менѣе вялыми, нежели если мы будемъ думать, что невозможно познать то, чего мы не знаемъ, и что мы не должны изслѣдовать это“.

Менонъ соглашается со всѣмъ этимъ.

Сократъ. Такъ какъ мы согласились, что должно изслѣдовать тѣ, чего мы не знаемъ, то не хочешь ли ты выѣсть со мною изслѣдовать, что такое добродѣтель.

Менонъ. Конечно, хочу. Впрочемъ я желалъ бы сперва изслѣдовать тѣ, о чёмъ я съ самаго начала спросилъ тебя: должно ли стремиться къ добродѣти, какъ къ чему-то такому, чему можно выучиться, или же добродѣтель есть достояніе человѣка отъ природы; или же, наконецъ, она достается ему какимъ-либо другимъ образомъ? (Словомъ, изучаема ли и вообще пріобрѣтаема, или неизучаема и вообще непріобрѣтаема добродѣтель? Если неизучаема, то какъ становится человѣкъ причастнымъ ей?)

Сократъ. Прежде изслѣдованія этого вопроса мы должны были бы изслѣдовать, чтò такое добродѣтель, потому что нельзя знать ея качества, прежде чѣмъ узнаешь ея сущность. Но въ угоду тебѣ я согласенъ заняться сперва изслѣдованіемъ предложенного тобою вопроса. Однакоже позволь мнѣ предпослать нѣчто этому изслѣдованію: если добродѣтель есть нѣчто отличное отъ знанія, то изучима ли, или, какъ мы только-что выразились, припоминаема ли она? Не правда ли, очевидно, что ни о чёмъ кромѣ знанія нельзя сказать какъ объ изучаемомъ? Итакъ, если добродѣтель есть знаніе, то она изучаема; если же она не есть знаніе, то она неизучаема. Теперь изслѣдуемъ: есть ли добродѣтель знаніе, или она есть нѣчто отличное отъ знанія? Вѣдь добродѣтель есть нѣчто доброе, поэтому если есть добро отличное отъ знанія, то добродѣтель, можетъ быть, не есть знаніе; если же нѣть такого добра, которое не заключало бы въ себѣ знанія, то наша догадка, что добродѣтель есть знаніе, вѣрна: мы добры въ силу добродѣтели; если добры, то и полезны, ибо все доброе полезно. Слѣдовательно, добродѣтель есть нѣчто полезное. Намъ приносить пользу здоровье, крѣпость, красота, богатство; поэтому мы называемъ ихъ полезными; но иногда они и вредны намъ, напримѣръ богатство. Они полезны, когда мы будемъ правильно употреблять ихъ. Точно также и относящіяся къ душѣ благоразуміе, праведность, мужество и проч. полезны, если соединены съ разумѣніемъ; а иначе они вредны, напримѣръ мужество. Вообще все, предпринимаемое и совершающее душою, будучи соединено съ разумѣніемъ, полезно, ведеть къ добру, къ счастью. Добродѣтель есть нѣчто, находящееся въ душѣ,—итакъ, если добродѣтель полезна, она должна быть разумѣніемъ. Слѣдовательно разумѣніе есть добродѣтель. Если такъ, то люди добры (добродѣтельны) не отъ природы; добродѣтель не есть нѣчто прирожденное, а пріобрѣтается ученіемъ, изучаема.

Съ этимъ заключеніемъ, какъ и со всѣмъ, изъ чего оно выведено Сократомъ, соглашается Менонъ. Но Сократъ возбуждаетъ далѣе слѣдующее сомнѣніе: „Я не беру назадъ положенія, что если добродѣтель есть знаніе, то она изучаема; но спрашивается: вѣрно ли, что добродѣтель есть знаніе? Если добродѣтель изучаема, то она должна имѣть учителей и уче-

никовъ. И вотъ я, сколько ни ищу, не нахожу учителей добродѣтели“.

Тутъ къ Сократу и Менону подходитъ Анить, чѣмъ и начинается четвертое явленіе.

Итакъ, въ этомъ третиѣмъ явленіи Сократъ основываетъ добродѣтель вообще, а слѣдовательно и ту гражданскую добродѣтель, о которой здѣсь преимущественно идетъ рѣчь, на знаніи, въ смыслѣ отчетливаго, рациональнаго, истинно-философскаго знанія, въ основѣ котораго лежать разумныя причины, и въ которое превращаются всѣ вѣрныя, но безотчетныя представлѣнія, мнѣнія посредствомъ ихъ развитія, какъ постепеннаго восхожденія къ знанію. Изъ того же положенія, что добродѣтель есть знаніе, выводится здѣсь положеніе, что она изучима, т.-е., что человѣкъ имѣеть врожденную способность къ добродѣтели, какъ къ знанію; способность можетъ развиться и стать дѣйствительной добродѣтелью.

Четвертое явленіе. „Будемъ, любезный Анить (говорить Сократъ), вмѣсть со мною и съ твоимъ прѣзжимъ другомъ изслѣдоватъ добродѣтель: есть ли учителя добродѣтели, или ихъ нѣть, и если есть, то кто же именно. Если, напримѣръ, мы хотѣли, чтобы Менонъ сдѣлался врачомъ, то мы послали бы его учиться у врача. Но вотъ Менонъ давно уже объявляетъ мнѣ, что онъ стремится къ той мудрости и добродѣтели, въ силу которой люди хорошо управляютъ какъ своимъ домомъ, такъ и государствомъ, ухаживаютъ за своими родителями и умѣютъ, какъ подобаетъ хорошему человѣку, принимать своихъ согражданъ и иноземцевъ. Къ кому же намъ послать Менона, чтобы онъ выучился этой добродѣтели? Не къ тѣмъ ли людямъ, которые сами выдаютъ себя за учителей добродѣтели и назначаютъ за обученіе ей извѣстную плату, т.-е. не къ тѣмъ ли, кого люди называютъ софистами?“

Анитъ. Боже упаси! Эти люди—явные развратители тѣхъ, съ кѣмъ они вступаютъ въ общеніе.

Сократъ. Можно ли утверждать, что они завѣдомо обманываютъ молодыхъ людей и портятъ ихъ? Можетъ быть, они сами находятся въ заблужденіи, считая себя учителями истинной добродѣтели. Можно ли однако приписывать такое безуміе людямъ, которые считаются мудрѣйшими изъ людей?